

¹¹⁶ *Стёпкин В.В.* Культурные пещеры Среднего Дона и Оскола (цикл статей) // Культурные пещеры Среднего Дона / Сер.: «Спелестологические исследования» (СЕ РОСИ). Вып. 4. М., 2004. С. 18–197.

¹¹⁷ *Плетнева С.А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСШИИМК. 79. 1960. С. 3–20.

¹¹⁸ *Hager J.* Pilgrimage. A Chronicle of Christianity Through the Churches of Rome. London, 1999. P. 24–25, fig.

В. В. Стёпкин

**ПЕЩЕРА У СЕЛА СЕЛЯВНОЕ
В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**
(к вопросу о первоначальном этапе пещерного
храмостроительства в Донском регионе)

В настоящее время на территории Верхнего и Среднего Дона автором насчитывается около 60 пещер, история функционирования которых тесно связана с христианством. В административном отношении указанные подземелья связаны с Липецкой, Воронежской, Белгородской и севером Ростовской области.

Вот уже более ста лет историки и археологи пытаются разрешить вопрос о первоначальном этапе пещеростроительства в Донском регионе. Большинство исследователей придерживаются мнения, что начальный период сооружения пещер по времени совпадает с колонизацией Придонья Московским государством в XVII в.

Хотя встречаются порой и более смелые версии. Так, в конце XIX — начале XX вв. археологом-любителем Дмитрием Михайловичем Струковым была выдвинута гипотеза о первоначальном устройстве пещер в Донском регионе еще в начальные века нашей эры первыми христианами, вдохновленными проповедью апостола Андрея Первозванного. Свои выводы Дмитрий Михайлович основывал на архитектурных особенностях некоторых Донских подземелий, которые по своему устройству соответствовали традициям сооружения культовых подземных помещений в Риме, Палестине, Сирии, на Афоне и Кавказе¹ [Струков, ОР РГБ 31/ 21].

В отличие от Струкова, другие исследователи, которые пытались удревить Донские пещеры, не выдвинули значительных доказательств своим предположениям. Показательным примером в этой связи может служить позиция А.А. Спицина и И. Стратонова, которые относили первоначальный период пещеростроительства к VIII–X вв., основываясь лишь на теоретических рассуждениях² [Спицин, 1909; Stratonov, 1936].

Очевидно, что для доказательства подобных версий необходимо привлечение археологического материала. Но в связи с этим возникает ряд проблем, на которые обратили внимание еще археологи, исследующие крымские подземные комплексы: «Это зачастую полное отсутствие в пещерных сооружениях культурного слоя <...> Специфика церковной жизни не способствовала накоплению как в них, так и в непосредственной близости культурно-бытовых остатков»³ [Могаричев, 1997: 4]. Но здесь помог «Его величество случай».

Несколько местных жителей, прогуливаясь летом 2001 г. по меловому склону долины реки Дон близ села Селявное-2 Лискинско-го района Воронежской области, обнаружили только что образовавшийся провал. Спустившись в него, они увидели полузасыпанную небольшую пещеру, о которой в скором времени стало известно автору. По прибытии на место ему удалось обследовать данный памятник и сделать подробное его описание.

Вход в пещеру расположен в меловом склоне долины реки Дон, в 6 км к юго-западу от церкви с. Аношкино, в 1 км к юго-востоку от центра села Селявное 2. Этот вход, со слов уроженца села Селявное 2 В.А. Мельникова, был открыт местными жителями позже, когда пещера, о которой они даже не подозревали, обнаружилась естественным образом (обрушилась часть свода пещеры, в результате чего в меловом грунте на склоне образовался провал).

В настоящее время общая протяженность пещеры составляет около 14 м, хотя не исключено наличие других ответвлений, ныне скрытых под напластованиями культурного слоя. Из-за достаточной мощности последнего передвигаться по подземелью приходится фактически на четвереньках (за исключением места провала). Высота пещеры от потолка до культурного слоя колеблется на разных участках от 0,3 м до 1,1 м. Ширина пещеры в среднем составляет около 0,9 м.

Неподалеку от входа пещера расширяется, образуя прямоугольное помещение, и, как следствие, увеличивается нагрузка на ее свод,

что и привело к его обрушению в этом месте. Обвалу кровли также способствовали близкое залегание пещеры к поверхности и большая трещиноватость мелового массива, в котором находится памятник.

Все это может привести к полному обрушению кровли пещеры по всему периметру. Уже сейчас в пещере можно наблюдать многочисленные крупные меловые фрагменты, выпадающие из потолка и стен пещеры, что привело к формированию неправильных очертаний коридора подземелья.

Все стены и частично потолок пещеры во многих местах испещрены крестами, которые вырезались на меловой поверхности. Величина крестов различна и в среднем составляет около 10 см. Самый большой из них достигает величины 30 см. Большинство крестов пещеры четырехконечные (зачастую, неправильной формы), хотя встречаются и шестиконечные. Кресты вырезались иногда в местах, из которых уже вывалились камни и могло произойти дальнейшее обрушение.

В одном месте, перед тем как пещера делает поворот под прямым углом в юго-западном направлении, фактически на уровне культурного слоя вырезанные на стене кресты перекрывают надпись. Данная надпись представляет собой чередование процарапанных символов, похожих на буквы «С» и «I». В некоторых местах кресты частично разрушили верхнюю часть буквы «С», что делает ее похожей на латинскую букву «L» (рис. 1).

На стенах пещеры фиксируются небольшие, вырезанные в мелу прямоугольные киоты для икон.

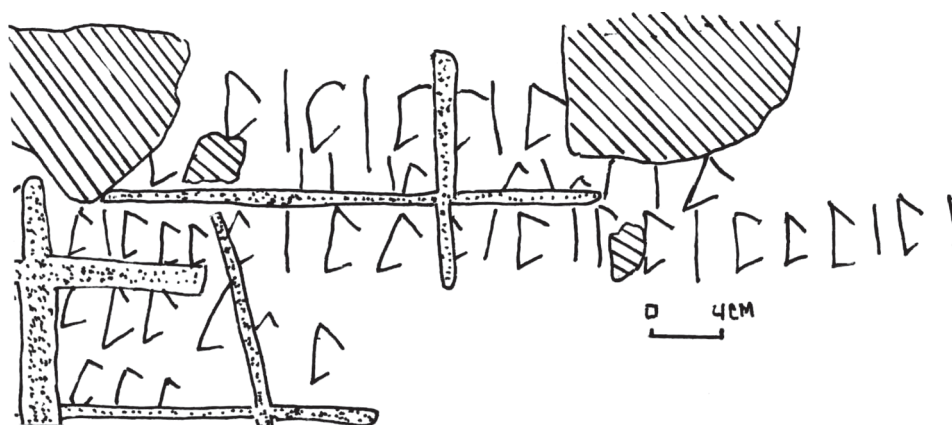

Рис. 1. Фрагмент рунической надписи на стене пещеры у с. Селявное

В месте, где прослеживалось явное понижение культурного слоя, рядом со входом, в полузаваленное помещение в конце пещеры, была произведена его зачистка, которая выявила следующую стратиграфию: 0–0 — 16–0,18 м — темно-коричневый суглинок (с меловыми вкраплениями); 0,16–0,18 м — 0,22–0,25 м — светло-коричневый суглинок (с меловыми вкраплениями); 0,22–0,25 м — 0,27–0,28 м — суглинок кирпичного цвета; 0,27–0,28 м — 0,37–0,39 м — черная супесь; 0,37–0,39 м — 0,39–0,47 м — мелкая меловая крошка; 0,39–0,47 м — 0,47–0,5 м — черная супесь; 0,47–0,5 м — 0,85–0,89 м — крупная меловая крошка; материк — монолитный мел. В разрезе верхних слоев встречаются 6 небольших фрагментов мела.

При зачистке были найдены следующие находки:

1 штык

— неорнаментированный фрагмент стенки керамики светло-коричневого цвета, выполненной на гончарном круге, с крупными горизонтальными расчесами, датируемой XVII–XVIII вв.;

— два неорнаментированных фрагмента стенки лепной грубой коричневой керамики, относящейся ко второй четверти первого тысячелетия н.э. (от конца II — начала III до середины V вв. н.э.) и принадлежащей предположительно к Киевской культуре;

— два небольших фрагмента костей животных.

2 штык

— неорнаментированный фрагмент стенки керамики серого цвета (с наружной стороны — черного), выполненной на гончарном круге, датируемой XVII в.;

— неорнаментированный фрагмент стенки керамики серого цвета, выполненной на гончарном круге, датируемой XVIII в.;

— неорнаментированный фрагмент доньшка керамики с внутренней стороны — серого, выполненной на гончарном круге, датируемой XVIII в.

3 штык

— неорнаментированный фрагмент венчика керамики черного цвета (с внутренней стороны темно-серого), датируемой XVII–XVIII вв.;

— фрагмент металлической пластины (0,06–0,07 м), подверженный сильной коррозии, в которой видны остатки органики;

— небольшой фрагмент челюсти животного.

Как мы видим, культурный слой в пещере достаточно мощный, что не характерно для пещер Донского региона и, вероятно, связано

с функциональными особенностями данного памятника. По всей вероятности, пещера служила долгое время в качестве временного убежища на случай нападения неприятеля. Укрывающиеся брали с собой еду в глиняной посуде (остатки посуды и кости животных были найдены в результате зачистки) и пережидали здесь опасность. Долгое время, на наш взгляд, жить в пещере было затруднительно из-за ее незначительной высоты (около 1 м), ставше таковой в результате долговременных напластований. Освободить пещеру от этих напластований, сделав ее выше и удобней, не считали нужным, так как использовали ее, вероятно, лишь эпизодически.

При этом несомненно, что пещера служила долгое время убежищем для населения, исповедующего христианство. На это указывает, прежде всего, обилие крестов на стенах и потолке подземелья. Надо заметить, что обычай изображать кресты на стенах и кровле пещер в Донском регионе довольно распространен. Кресты вырезались на стенах, рисовались краской, делались копотью от свечи на потолке. Но такой массы вырезанных крестов, как в данной пещере, не встречается более нигде. Показательно не только количество крестов, но и, зачастую, отсутствие симметрии при их нанесении, что может говорить или о спешке при их создании, или о неискусности резчика. Возможно также, что форме креста преднамеренно не уделяли большого внимания. Крест был важен прежде всего как символ, несущий защитную, охранительную функцию. В связи с возможностью использования пещеры в качестве убежища это предположение кажется достаточно правдоподобным. Можно также предположить, что нанесенные на потолок и стены кресты могли, по мнению резчиков, защитить их от возможного обрушения подземелья.

Нанесение в одном месте крестов поверх надписи, что ее частично разрушило, может говорить, по крайней мере, о двух этапах существования данного памятника. Об этом также говорит найденный в пещере керамический материал. В связи с этим историю функционирования данного памятника можно реконструировать следующим образом.

Первоначальный этап функционирования пещеры связан, по всей вероятности, с Киевской археологической культурой (от конца II — начала III до середины V вв. н.э.). Возможно, в это время была сделана и надпись на стенах пещеры (если, конечно, не предположить, что надпись сохранилась с более раннего времени, находки от которого не были обнаружены по причине незначительных земляных работ).

Нельзя исключить также, что один из первоначальных этапов функционирования памятника (так как достаточно сложно однозначно оценить культурную принадлежность двух фрагментов грубой лепной керамики, о которых писалось выше) связан с Борщевской археологической культурой (VIII–X вв.). Тем более, что в 5 км к северо-востоку располагается известное славянское городище Титчиха, относящееся к данному времени.

На более позднем этапе функционирования (в XVII–XVIII вв.) пещера могла быть связана с располагавшейся ранее неподалеку Троицкой Лысогорской пустынью. Краткие сведения о данном монастыре можно отыскать, читая описание Воронежской епархии XVIII в. у Евфимия Болховитинова⁴ [Болховитинов, 1992], а также «Указатель храмовых праздников в Воронежской Епархии» за 1884 г., составленный Д.И. Самбикиным.⁵ [Самбикин, 1884]. Согласно описаниям, Троицкая Лысогорская пустынь находилась ранее «с восточной стороны с. Селявного при подошве горы Лысой <...>, а гора Лысою названа от того, что на ней не было никакой растительности... Троицкая пустынь <...> упразднена при введении монастырских штатов (в 1764 г)»⁶ [Там же]. Надо заметить, что «гора», которая находится в непосредственной близости от пещеры, называется сегодня местными жителями Лысою, и они дают аналогичное объяснение данного названия.

На сегодняшний день актуален вопрос о полном археологическом изучении данной пещеры в связи с ее крайне аварийным состоянием и уникальностью⁷ [Стёпкин, 2001].

Но уже на стадии предварительных исследований полученный материал позволяет сделать объективный вывод о первоначальном этапе пещеростроительства в Придонье задолго до колонизации региона Московским государством в XVII в.

Остается нерешенным вопрос о датировке вырезанных крестов. Все они не могли быть прочерчены в пещере сразу после ее создания. Об этом прежде всего говорит тот факт, что многие изображения крестов вырезаны в местах, из которых выпали меловые блоки на пол подземелья.

Могли ли изображения некоторых крестов относиться к периоду функционирования памятника до XVII–XVIII вв., т.е. находились ли в пещере в то время христиане? Положительно ответить на этот вопрос будет возможно, если в ходе будущих раскопок удастся обнаружить изображения крестов на стенах пещеры ниже расположения в культурном слое прослойки, относящейся к XVII–XVIII вв.

Дополнительных исследований требует и выявление семантической нагрузки процарапанных символов.

Материалы из фонда Струкова Д.М. в ОР РГБ: 31/21.

Степкин В.В. Отчет к Открытому листу № 254 о проведении археологической разведки. Воронеж, 2002. Архив ИА РАН.

Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. Воронеж, 1992. С. 195.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Самбикин Д.И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1884. С. 253.

Спицин А.А. Историко-археологические изыскания // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Т. 19, I.

Stratonov I. Die Krim ihre Bedeutung fur die Christianisierung der Ostslaven // Kyrios. Vierteljahresschrift fur Kirchen — und Geistesgeschichte Osteuropas. Konigsberg, 1936. S. 381–395.

И.А.Аганов

ХРИСТИАНСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ: КРАТКИЙ ОБЗОР¹

1. ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

Пещерные комплексы данной группы памятников расположены в породах меломергельной толщи верхнемелового возраста, а входы в них — в склоне возвышенности над поймой реки Дон и его притоков, а также в склонах оврагов и балок, выходящих на пойму. Подавляющее большинство памятников находится вдоль прибрежных обнажений реки Дон — на территории Воронежской, Белгородской и Ростовской областей. В качестве дополнения характеризуется Святогорский монастырь Донецкой области, расположенный в нижнем течении Дона. Памятники подразделяются на две хронологические группы: I — XVI–XVII вв., II — XVIII–XX вв. (рис. 1).